

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

Словарь
ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

НОВАЯ СЕРІЯ.

ЧАСТЬ I.

1906.

ЯНВАРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ.

1906.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

I. Именные Высочайшіе указы	3
II. Высочайшія награды по вѣдомству мин. нар. пр.	—
III. Высочайшіе приказы по вѣдомству мин. нар. пр.	21
IV. Распоряженія министерства народнаго просвѣщенія	30
V. Опредѣленія основнаго отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр.	34
VI. Опредѣленія отдѣла ученаго комитета мин. нар. пр. по начальному образованію	36
VII. Опредѣленія отдѣленія ученаго комитета мин. нар. пр. по техническому и профессиональному образованію	40
VIII. Извѣщеніе	—
✓ E. B. Пѣтуховъ. Юрьевскій, бывшій Дерптскій, университетъ въ послѣдній періодъ своего существованія (1866 — 1902). VIII — IX (окончаніе)	1
Г. А. Ильинскій. Значеніе и мѣсто науки о древне-церковнославянскомъ языкѣ въ ряду другихъ дисциплинъ славяновѣдѣнія	41
✓ В. В. Синовскій. Вліяніе „Вертера“ на русскій романъ XVIII вѣка	26 52

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

К. О. Радченко. Сборникъ за народни умотворенія. Кн. XX	107
Э. Л. Радловъ. Л. Саккетти. Эстетика въ общедоступномъ изложеніи	120
— Записки общества исторіи, филологіи и права при Императорскомъ Варшавскомъ университетѣ. Выпускъ III.	124
— Вѣстникъ Права 1905 г., кн. 1—4	125
А. Э. Нольде. <i>H. von Lutzau. Der Eigenthumserwerb am Wilde</i>	127
Н. М. Петровскій. <i>Slovenica</i>	145
С. А. Жебелевъ. Сказанія о 42 Аморійскихъ мученикахъ С.-Пб. 1905	167
— Книжкяя новости	177

ОТДѢЛЪ ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНІЮ.

А. Д. Вейсманъ. О современномъ устройствѣ народной школы въ Пруссіи (<i>продолженіе</i>)	1
Е. П. Ковалевскій. Выставка и конгрессы по поводу 75-лѣтія независимости Бельгіи	17
А. А. Ильинъ. Начальныя училища города С.-Петербурга	45

Отзывы о книгахъ:

И. И. Веллярминовъ. <i>И. Головачевъ. Сибирь</i>	67
А. С. Догель. 1) Ухо человека въ складныхъ картинахъ. 2) Глазъ человека въ складныхъ картинахъ	69

См. 3-ю стр. обложки.

ЗНАЧЕНІЕ И МѢСТО НАУКИ О ДРЕВНЕ-ЦЕРКОВНО-СЛАВЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ ВЪ РЯДУ ДРУГИХЪ ДИСЦИПЛИНЪ СЛАВЯНОВѢДѢНІЯ ¹⁾.

Въ ряду довольно разнообразныхъ дисциплинъ, составляющихъ область такъ называемаго славяновѣдѣнія, славистики, въ частности, славянской филологіи, едва ли не самое главное мѣсто занимаетъ наука о древне-церковно-славянскомъ языкѣ. Славянская сравнительная грамматика, исторія славянской литературы и вообще культуры, даже исторія славянскихъ государствъ,—всѣ въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно заинтересованы въ своемъ успѣшномъ развитіи отъ прогресса этой науки.

Такое исключительное положеніе науки о древне-церковно-славянскомъ языкѣ, которое дало право изслѣдователю, сдѣлавшему наиболѣе для ея процвѣтанія, назвать его даже „центральнымъ“ (Jagic', Zur Entstehungsgeschichte I, 1), опредѣляется, съ одной стороны, непосредственнымъ значеніемъ фактовъ древне-церковно-славянскаго языка, какъ языка; съ другой стороны, историческими условіями его образованія и происхожденія. Краткій анализъ понятія „древне-церковно-славянскій языкъ“ и очеркъ его происхожденія лучше пояснятъ эту мысль.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое древне-церковно-славянскій языкъ? Въ настоящее время, наука, въ лицѣ большинства ея авторитетныхъ представителей, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ ясно и просто: „*Древне-церковно-славянскій языкъ есть языкъ тѣхъ южныхъ славянъ IX в.,*

¹⁾ Вступительная лекція, читанная въ Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ 24-го сентября 1904 г.

которыя потомками являются современные болгары, въ частности македонскіе“. Но какъ ни простъ этотъ выводъ, наука завоевала его не сразу, но послѣ продолжительной борьбы съ цѣлымъ рядомъ ученій, выставившихъ наслѣдниками древне-церковно-славянскаго языка едва ли не всѣ славянскіе языки поочередно: и языкъ сербскій (Добровскій), и моравскій (Калайдовичъ), и русскій (Погодинъ), и, въ особенности, словенскій (Копитаръ, Миклошпчъ, Вондракъ и Ягичъ въ первую половину его научно-литературной дѣятельности). Позже, въ своемъ курсѣ, я укажу на причины такой спорности происхожденія древне-церковно-славянскаго языка,—причины, часто не имѣвшія ничего общаго съ настоящей наукой,—а теперь я позволю себѣ указать только на ту изъ нихъ, которою, главнымъ образомъ, и обусловленъ упомянутый исключительный интересъ и значеніе нашей науки. Эта причина—свыше-тысячелѣтняя древность церковно-славянскаго языка и связанная съ нею глубокая архаичность его строенія, не позволившая даже такимъ гениальнымъ и проникательнымъ изслѣдователямъ, какъ Добровскій или Боппъ, сразу распознать его органическія особенности и приурочить къ опредѣленной языковой группѣ. Хотя во второй половинѣ IX в., когда былъ совершень солунскими братьями переводъ Священнаго Писанія на древне-болгарскій языкъ, и когда, такимъ образомъ, послѣдній до извѣстной степени былъ сохраненъ навсегда отъ конечнаго уничтоженія, славянскіе языки представляли самостоятельныя лингвистическія особи, уже давно выдѣлившіяся изъ общаго первоисточника—языка пра-славянскаго,—однако, они были все же безконечно ближе къ послѣднему, чѣмъ самыя архаическіе говоры современныхъ славянскихъ языковъ. Въ настоящее время даже образованный славянинъ не всегда понимаетъ другого славянина, говорящаго на родномъ языкѣ, если только раньше болѣе или менѣе основательно не изучалъ его практически или теоретически. Десять вѣковъ назадъ дѣло обстояло иначе, и чохъ могъ свободно понимать болгарина, сербъ—поляка, русскій—словенца. Такое значительное различіе между современными славянскими языками объясняется тѣмъ, что съ начала XI вѣка всѣ славянскіе языки почти одновременно подверглись ряду мощныхъ фонетическихъ процессовъ, которые, хотя и исходили, по большей части, изъ однихъ и тѣхъ же причинъ, но въ разныхъ славянскихъ языкахъ шли разными путями и давали, такимъ образомъ, разные результаты. Эти результаты, комбинируясь съ нѣкоторыми, впрочемъ, немногими индивидуальными фонетическими явленіями славянскихъ языковъ, съ одной стороны, и

съ нѣкоторыми архаическими особенностями языка, уцѣлѣвшими въ разныхъ славянскихъ языкахъ въ разной степени и формѣ, съ другой, — и составили то *новое*, что теперь такъ отличаетъ славянскіе языки другъ отъ друга. Такимъ фонетическимъ процессомъ въ одно и то же время разрушительнымъ и творческимъ, отрицательнымъ и положительнымъ является, напимѣръ, исчезновеніе глухихъ звуковъ въ конечныхъ и открытыхъ слогахъ и вокализація или же сохраненіе (въ одной незначительной части славянскихъ языковъ) ихъ въ закрытыхъ. Благодаря тому, что въ разныхъ славянскихъ языкахъ глухіе перешли въ разные гласные или (въ немногихъ случаяхъ) сохранились, огромное множество словъ, звучавшихъ въ IX вѣкѣ почти совершенно одинаково во всѣхъ славянскихъ языкахъ, получили въ современныхъ различную звуковую окраску. Такъ, въ то время какъ въ эпоху Кирилла и Меодія всѣ славяне вполне тождественно произносили пра-славянское слово **sъnъ*, восходящее, какъ извѣстно, къ **sъrпnъ* (ср. греч. ἄσνος, лат. *somnus* и т. д.), въ настоящее время оно звучитъ и какъ *сонъ* (русск.), и какъ *sen* (зап.-слав.), и къ *sъn* (слв. и блг. язз.), и какъ *san* (сербхрв.). Подобнымъ образомъ, имя **dъnъ* (корень котораго одинаковъ съ корнемъ *di*—въ др. - инд. *divi* „на небѣ“, гр. Δι-*fi*) слышится въ современныхъ славянскихъ языкахъ и какъ *день* (русск.), и какъ *denъ* (блг.), и какъ *dan* (сербхрв.), и какъ *dъn* (слв.), и какъ *den* (чешск.), и какъ *dzień* (польск.). Отпаденіе конечныхъ глухихъ повлекло за собой цѣлый рядъ другихъ процессовъ, значительно измѣнившихъ фізіономію славянскихъ языковъ. Я разумѣю такъ называемое замѣнительное удлиненіе гласныхъ въ языкѣ малорусскомъ и, при извѣстныхъ условіяхъ, въ нѣкоторыхъ западно-славянскихъ языкахъ,—удлиненіе, которое мы имѣемъ, напимѣръ, въ малорусск. *mîd* изъ **medъ*, **medъ*, или малорусск. *kînj* изъ **konj*.

Другимъ, почти столь же глубоко дифференцирующимъ фонетическимъ процессомъ была потеря славянскими языками въ XI вѣкѣ въ носовыхъ ихъ носового резонанса. Еще въ X вѣкѣ Константинъ Багрянородный пишетъ, напимѣръ, имя русск. князя Святослава Σφεντολάζος, а серб. князя Мутиміра Μουτιμίρος, а нѣкоторые латинскіе хронисты передаютъ, напимѣръ, имя чешскаго князя Вячеслава Св. черезъ *Venceslav*. Въ настоящее время мы напрасно стали бы искать слѣдовъ этихъ носовыхъ звуковъ въ какомъ-либо изъ славянскихъ языковъ, кромѣ польскаго и нѣкоторыхъ говоровъ болгарскаго языка. Во всѣхъ славянскихъ языкахъ х перешелъ или въ глухой съ большей или

меньшей степени вокализацин, какъ въ болгарскомъ языкѣ, или въ звукъ *и*, какъ въ сръбхрв., русск., чешск. и серболужицкомъ язз., или въ *о*, какъ въ словенскомъ языкѣ. Ср. блг. *дѣбъ* или *дѣбъ*, сръбохорв. *дубъ*, русск. *дубъ* при польск. *deń* и діал. болгар. *дѣмбъ*. Менѣе разнообразные рефлексы оставилъ послѣ себя *а*, перешедшій или въ *е* (какъ въ южнослав. язз.), или въ *'а*, какъ въ русскомъ, чешскомъ и серболужицкомъ. Ср. болгарск. *петъ*, сръбск. *pet*, слов. *pet*, чешск. *pět'* изъ **p'at'*, русск. *пять* при польск. *pięć* и болгар. діал. *пентъ*. Такимъ образомъ, каждое изъ множества пра-слав. словъ, звучавшихъ съ носовымъ звукомъ, въ теперешнихъ славянскихъ языкахъ распалось на 3, 4, 5 вариантовъ.

Третій фонетическій факторъ, значительно способствовавшій дифференциацин славянскихъ языковъ, была судьба звука *ѣ*. До сихъ поръ ученые далеко еще не согласились между собой о пра-славянской природѣ этого звука. Одни видятъ въ немъ дифтонгъ *je*, другіе—широкое *й*, третьи—дифтонгъ *ea*, четвертые—закрытое *e* и т. д. Но не соглашаясь въ деталяхъ, ученые убѣждены, однако, что въ IX вѣкѣ звукъ *ѣ* во всѣхъ славянскихъ языкахъ звучалъ приблизительно одинаково. Въ настоящее время, мы и въ этомъ случаѣ видимъ гораздо болѣе пеструю картину: звукъ *ѣ* слышится въ современныхъ славянскихъ языкахъ то какъ *i* (ср. малорусск. *міра*), то какъ *ia* (ср. польск. и болг. *міага*), то какъ *e* (слов. *тега*), то какъ *e*, *ije* и *i* (сръб. вост. *мега*, сръб. юго-зап. *мијера* и сръб. зап. *мира*).

Подробный анализъ условій всѣхъ этихъ процессовъ завелъ бы насъ очень далеко: онъ составляетъ предметъ особой науки славянской сравнительной грамматики, которая изучаетъ во взаимной связи и хронологической послѣдовательности и цѣлый рядъ другихъ фонетическихъ и морфологическихъ процессовъ, также болѣе или менѣе значительно дифференцировавшихъ славянскіе языки. Но и разсмотрѣнныхъ достаточно, чтобы показать, какія глубокія, можно сказать—*радикальныя*, перемѣны произошли въ славянскихъ языкахъ съ XI по XX, — въ языкахъ, въ общемъ, все-таки, гораздо болѣе консервативныхъ, чѣмъ, напримѣръ, языки германскіе.

Громадное значеніе древне-церковно-славянскаго языка для славянской сравнительной грамматики и заключается въ томъ, что онъ подвергся литературной разработкѣ и былъ фиксированъ на письмѣ въ ту эпоху жизни славянскихъ языковъ, когда упомянутые фонетическіе и морфологическіе процессы еще не начали свою дифферен-

цирующую дѣятельность... Въ это время славянскіе языки еще сравнительно недалеко ушли отъ своего первоначальнаго источника—пра-славянскаго языка, и сохранили въ себѣ множество такихъ фонетическихъ и морфологическихъ особенностей, которыя или исчезли навсегда или встрѣчаются спорадически въ видѣ своего рода лингвистическихъ окаменѣлостей. Слѣдовательно, не то важно, что древне-церковно-славянскій языкъ есть *болгарскій* по происхожденію: если бы онъ былъ сербскій, словенскій, чешскій, польскій или русскій, значеніе его нисколько не умалилось бы,—а то важно и цѣнно, то дѣлаетъ изъ него перворазрядную научную реликвию и святыню, что онъ *древній*. Безъ него мы бы никогда не имѣли такого сравнительно яснаго и отчетливаго (по крайней мѣрѣ, въ морфологическомъ отношеніи) представленія о пра-славянскомъ языкѣ, какое имѣемъ, благодаря ему, теперь; безъ него его звуки и формы мы должны были бы возстановлять исключительно путемъ сравненія и комбинаціи данныхъ живыхъ славянскихъ языковъ съ данными другихъ аrio-европейскихъ языковъ, т. е. путемъ, хотя и вполне научнымъ, но болѣе тернистымъ и опаснымъ. Древне-церковно-славянскій служить превосходнымъ *мажкомъ* въ подобнаго рода сравнительныхъ изслѣдованіяхъ, предохраняя насъ отъ многихъ послѣднихъ обобщеній и ошибочныхъ заключеній относительно древности извѣстныхъ фонемъ и морфемъ. Въ затруднительныхъ случаяхъ изслѣдованіе ихъ является самымъ главнымъ и надежнымъ совѣтчикомъ, и тамъ, гдѣ за недостаткомъ данныхъ, мы должны довольствоваться чисто-дедуктивными заключеніями, онъ говоритъ самымъ убѣдительнымъ и краснорѣчивымъ языкомъ въ мірѣ — языкомъ фактовъ. Конечно, и другіе славянскіе языки имѣютъ первостепенную важность при возстановленіи фонетическаго и морфологическаго состава пра-славянскаго языка, но голосъ древне-церковно-славянскаго языка, какъ ихъ старшаго брата, все-таки авторитетнѣе всѣхъ. Между ними онъ только *primus inter pares*, и право на это первенство даетъ,—повторяемъ,—только его *древность* и *древность*. Древне-церковно-славянскій языкъ является, такимъ образомъ, въ одно и то же время и *директивомъ* и *коррективомъ* при сравнительномъ изученіи славянскихъ языковъ, и въ этомъ отношеніи его значеніе вполне аналогично значенію языка древне-индійскаго для сравнительной грамматики аrio-европейскихъ языковъ. Какъ послѣдній, будучи самымъ старымъ литературнымъ аrio-европейскимъ языкомъ, является ариадниной нитью при сравнительномъ изученіи

аріо-европейскихъ языковъ, такъ языкъ древне-церковно-славянскій служить такою же нитью при изученіи языковъ славянскихъ, будучи раньше всѣхъ ихъ увѣковѣченъ въ литературѣ.

Это послѣднее обстоятельство еще болѣе расширяетъ значеніе древне-церковно-славянскаго языка, далеко выдвигая его за узкія рамки сравнительной славянской лингвистики. Въ самомъ дѣлѣ, если бы древне-церковно-славянскій языкъ сохранился только въ немногихъ надписяхъ, да въ нѣсколькихъ отрывкахъ славянскаго перевода священнаго писанія, его значеніе было бы, конечно, не меньше, но оно ограничивалось бы только сферой лингвистики. Но на древне-церковно-славянскій языкъ уже во второй половинѣ IX вѣка были переведены почти цѣликомъ Евангеліе, Апостолъ, Псалтирь, многія библейскія книги, поскольку онѣ вошли въ богослужебныя (въ такъ называемые паримейники) и, по всей вѣроятности, Номоканонъ Фотія. Всѣ эти книги содержатъ въ себѣ главнѣйшія идеи тогдашней цивилизаціи, весь кодексъ тогдашней морали и выражали всѣ задушевиѣйшіе христіанскіе идеалы. Благодаря переводу ихъ на древне-болгарскій языкъ, послѣдній такъ или иначе долженъ былъ приспособиться къ выраженію высшихъ понятій средневѣковой христіанской цивилизаціи, и, благодаря этому, изъ положенія простого обиходнаго языка (Umgangssprache) маленькаго варварскаго славянскаго народа возвысился до почетной роли литературнаго языка и органа высшей въ то время образованности. И чрезвычайно важно, что этотъ языкъ былъ языкомъ не одного или двухъ славянскихъ народовъ, но (по крайней мѣрѣ) нѣкоторое время *всѣхъ* славянскихъ народовъ. Хотя первоначально переводъ Священнаго Писанія предназначался Кирилломъ и Меѳодіемъ только для славянъ Моравіи и Панноніи, однако онъ очень скоро сталъ раздаваться и на берегахъ Волтавы, и на рѣкѣ Вислѣ, и на склонахъ Триглава, и у стѣнъ древней Салоны, и въ горахъ Сербіи. Самъ архіепископъ Моравіи Меѳодій лично крестилъ чешскаго князя Боривоя, и затѣмъ древне-церковно-славянскій языкъ вмѣстѣ съ славянскимъ богослуженіемъ сталъ быстро распространяться по Чехіи. Несмотря на крайне неблагопріятныя историческія условія для расцвѣта дѣла Кирилла и Меѳодія въ чешской землѣ, до нашихъ дней сохранилось два памятника древне-церковно-славянскаго языка, писанныхъ несомнѣнно въ области чешскаго языка. Это фрагменты глаголическаго миссала — такъ называемые Кіевскіе отрывки (X вѣка), и нѣсколько церковныхъ гимновъ — такъ называемые Пражскіе отрывки. Что эта литература

была гораздо богаче, чѣмъ можно было бы думать по сохранившимся остаткамъ, и что она не ограничивалась только сферой ближайшихъ церковныхъ нуждъ, но черпала темы для своего творчества и изъ жизни, доказываетъ прекрасная по наличности этического настроенія и теплоты религіознаго чувства Легенда о св. Вячеславѣ. Хотя она сохранилась только въ нѣсколькихъ русскихъ и хорватскихъ глаголическихъ спискахъ, однако ея лексикальныя особенности показываютъ, что она была написана на древне-церковно-славянскомъ языкѣ *чехомъ*, и притомъ очень скоро послѣ убіенія патрона чешской земли. Не сохранилось никакихъ древне-церковно-славянскихъ памятниковъ польскаго извода, но что славянская литургія и славянскій литературный языкъ были извѣстны и Польшѣ, на это косвенно указываетъ существованіе въ древне-польской церкви славянской партіи, которая, очевидно, въ борьбѣ съ латинской должна была опираться на какое-нибудь реальное преимущество. А такимъ преимуществомъ могла быть только славянская литургія (ср. Gumplowicz, Zur Geschichte Polens, s. 127 и сл.). Отсутствіе древне-церковно-славянскихъ памятниковъ польскаго происхожденія не можетъ приводиться въ доказательство того, что древняя Польша не знала совсѣмъ никогда славянскаго богослуженія и славянскаго литературнаго языка: вѣдь невозможно указать и ни одного древне-церковно-славянскаго памятника словенской редакціи, хотя область князя Коцела, такъ называемая Паннонія, несомнѣнно подчиненная въ церковномъ отношеніи Меодію и потому не могшая не знать славянскаго богослуженія, была населена, главнымъ образомъ, словенцами. Такъ называемыя „Фрейзингенскіе отрывки“ представляютъ памятникъ скорѣе словенскаго языка, чѣмъ древне-церковно-славянскаго, и вошедшіе въ ихъ составъ „Слово передъ исповѣдью“ Климента и „Исповѣдный чинъ“, переведенный тѣмъ же писателемъ съ верхне-нѣмецкаго языка, могли попасть въ руки составителей Фрейзингенскихъ текстовъ изъ Моравіи или даже изъ Хорватіи (ср. Vondrak, Studie z oboru cirkevneslovanského písemnictví, 45 — 66). Болѣе достовѣрнымъ и болѣе непосредственнымъ характеромъ отличаются свидѣтельства о древне-церковно-славянскомъ языкѣ въ Хорватіи: отъ XI вѣка сохранился цѣлый сборникъ проповѣдей, написанный кругловатой глаголицей и удовлетворявшій духовные интересы хорватскаго общества. Какъ можно считать теперь окончательно доказаннымъ послѣ работы проф. А. Михайлова, „Книга Бытія“ и тѣ тексты священнаго писанія, которые издавна составляютъ содержаніе хорватскихъ глаголическихъ служебниковъ и часослововъ, восходятъ

непосредственно къ переводу Священнаго Писанія, сдѣланному въ IX вѣкѣ великими славянскими апостолами для моравскихъ славянъ. Но гдѣ особенно глубокіе корни пустила древне-церковно-славянская литература,—такъ это въ Болгаріи. Послѣ того какъ смерть архіепископа Меодія окончательно развязала руки тріязычникамъ, ученики Кирилла и Меодія подверглись жестокиѣмъ гоненіямъ. Сначала они были заключены въ оковы и брошены въ темницу; потомъ, говоря словами одного изъ историковъ Кирилла и Меодія, „они были осуждены на изгнаніе изъ города и „воины, люди грубые, нѣмцы бо“ повели ихъ въ разныя мѣста на берега Дуная; здѣсь они были предоставлены самимъ себѣ и трое изъ нихъ, именно: Климентъ, Наумъ и Ангеларій, тотчасъ же „устремились въ Болгарію, гдѣ надѣялись найти успокоеніе“ (Бильбасовъ, Кирилль и Меодій, II, 121). Гостеприимно принятыя царемъ Борисомъ и его вельможами, они могли свободно предаться тому, на что ихъ предназначали ихъ учителя—религіозно-нравственной дѣятельности на началахъ греческой образованности. На этомъ поприщѣ своимъ талантомъ и энергіей превзошелъ далеко всѣхъ учениковъ Кирилла и Меодія Климентъ. Изъ восточной Болгаріи онъ переселился въ западную Македонію (въ область р. Дѣвола и Орхидскаго озера) не потому, чтобы онъ хотѣлъ быть подалеже отъ особенно распространенной въ Восточной Болгаріи „кирилицы“, какъ нѣсколько наивно полагалъ Вондракъ (Studie, 124), и не потому, чтобы населеніе Македоніи имѣло болѣе этнографическихъ и діалектическихъ точекъ соприкосновенія съ паннонскими славянами, какъ нѣсколько тенденціозно утверждалъ Поваковичъ (Први основи словенске књижевности међу балканскими словенима. У Београ. 1893, стр. 89 и сл.), а просто потому, что въ Македоніи туранскій элементъ болгарь не такъ былъ могущественъ, какъ на востокѣ Балканскаго полуострова, и вслѣдствіе этого славянская проповѣдь Климента могла найти здѣсь болѣе внимательныя уши и сердце. И можно сказать безъ преувеличенія, что Климентъ широко воспользовался оказаннымъ ему болгарскимъ царемъ покровительствомъ и работалъ свыше 25 лѣтъ, не покладая рукъ. Онъ построилъ въ Охридѣ церковь и монастырь, какъ, вѣроятно, и въ другихъ областяхъ Македоніи. Особенное вниманіе онъ обратилъ на постройку школъ и въ короткое время собралъ около себя не менѣе 3.500 учениковъ, которые дали изъ себя первый кадръ духовенства Кирилло-Меодіевской церкви въ Болгаріи. Въ то же время онъ находилъ время заниматься литературою и обогатилъ ее многочисленными проповѣдями не только переводными, но и ориги-

нальными; пополнил пробѣлы богослужебной письменности. составилъ по разнымъ источникамъ „чинъ исповѣданія“, который сохранился и до нашего времени въ такъ называемомъ „Синайскомъ требникѣ“ XI в. Наконецъ, онъ же, вѣроятно, составилъ несравненныя не только по своимъ историческимъ достоинствамъ, но и по художественнымъ, житія своихъ великихъ учителей, а также (спеціально для нуждъ церкви) „похвалы“ имъ. Заслуги Климента нашли себѣ полное признаніе еще при его жизни,—около 900 г. онъ былъ назначенъ царемъ Симеономъ епископомъ „Величскимъ“ (т. е. въ области рѣки Велики, извѣстной и теперь въ западной Македоніи, ср. Баласчевъ, Климентъ епископъ словѣнскій XXIV). Зеленые всходы посаженныхъ Климентомъ сѣмянъ возросли въ пышные колосья въ царствование этого монарха, который, живя долго въ Царьградѣ, больше, чѣмъ кто-либо другой, привыкъ цѣнить византійскую литературу. Явилась цѣлая плеяда писателей (Іоаннъ, экзархъ болгарскій, Константинъ-философъ, черноризецъ Храбръ и много другихъ), которые пересадили на славянскую почву едва ли не все лучшее, чѣмъ гордилась въ то время византійская литература. Тогда же подвергся пересмотру старшій Кирилло-Меѳодіевскій переводъ Священнаго Писанія, нѣкоторыя неточности его были исправлены и, кромѣ того, въ извѣстныхъ случаяхъ подновленъ стиль. Здѣсь не мѣсто подробно излагать исторію литературнаго движенія того времени; для насъ важно отмѣтить только то обстоятельство, что изъ Болгаріи эта литература почти цѣликомъ перешла въ Сербію и Россію, гдѣ въ теченіе многихъ вѣковъ и служила образцомъ для подражанія... Такимъ образомъ, если начальные моменты литературной эволюціи *всѣхъ* славянскихъ народовъ несомнѣнно связаны съ великимъ подвигомъ Кирилла и Меѳодія, то древнѣйшая литература болгарь, сербовъ и русскихъ только и можетъ быть понята на фонѣ древне-церковно-славянскаго языка и литературы...

Но литература есть только одинъ изъ многихъ продуктовъ культуры. И древне-церковно-славянская „письменность“, какъ бы она ни казалась подчасъ односторонней и бѣдной въ сравненіи съ западно-европейской латинской, все же была носителемъ весьма опредѣленныхъ культурныхъ идеаловъ, которые довольно рѣзко отличались отъ культурныхъ стремленій романо-германскаго Запада, но совпадали большей частію съ византійскими. Это случилось не только потому, что славянскіе просвѣтители были греки по происхожденію, воспитанію, духовнымъ и, вѣроятно, политическимъ стремленіямъ, но,

главнымъ образомъ, потому, что переводъ Священнаго Писанія былъ сдѣланъ ими съ греческаго языка, и славянское богослуженіе введено по обряду греко-восточной церкви. А, какъ извѣстно, церковь въ средніе вѣка считалась синонимомъ цивилизаціи вообще: она являлась чуть ли не единственной законодательницей не только въ дѣлахъ душевнаго спасенія и личнаго нравственнаго совершенствованія, но формулировала научные законы, опредѣляла границы и предѣлы человѣческому знанію, направляла эстетическіе вкусы, нормировала политическія и правовыя отношенія и свободно хозяйничала даже въ сферѣ частной жизни своихъ членовъ... При такой тѣсной и органической связи религіи и церкви съ жизнью, неудивительно, что тѣ славянскіе народы, которые ввели у себя богослуженіе по греческому обряду, тѣмъ самымъ большею частью *volens-nolens* входили въ сферу культурныхъ интересовъ греческаго міра. А если такъ, то Кирилло-Меодіевскій вопросъ получаетъ интересъ не однихъ только лингвистовъ и филологовъ, но и для историковъ славянства, которые въ геніальной идеѣ моравскаго князя Ростислава эмансипировать свою страну отъ религіознаго и политическаго вліянія Германской имперіи посредствомъ учрежденія *независимой* грекославянской церкви справедливо видятъ исходный пунктъ эволюціи *славянскаго народнаго самосознанія*. Въ виду же того, что эта эволюція далеко не можетъ считаться законченной и теперь, становится вполне понятнымъ и тотъ жгучій интересъ къ историческому подвигу Кирилла и Меодія, который наблюдается у всѣхъ славянскихъ народовъ въ ихъ отчаянной борьбѣ за свое національное и культурное существованіе...

Итакъ, изъ этого краткаго разсужденія вы видите, что наука о древне-церковно-славянскомъ языкѣ (понимаемая въ широкомъ смыслѣ слова) представляетъ первостепенный интересъ не для одной только славянской сравнительной лингвистики, но и для исторіи славянскихъ литературъ, а также для политической и культурной исторіи славянскихъ народовъ. Это обстоятельство дѣлаетъ изъ нея связующее звено между всѣми тремя дисциплинами славяновѣднія. Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы далѣе ни углублялось специальное изученіе славяновѣднія и какъ бы ни дифференцировались, вслѣдствіе этого, отдѣльныя области славянскихъ знаній, Кирилло-Меодіевскій вопросъ всегда останется той научной сферой, гдѣ и лингвисты, и филологи, и историки не только не могутъ идти въ своихъ работахъ врознь другъ отъ друга, но гдѣ, наоборотъ, знанія и методы однихъ будутъ естественно и органически дополнять знанія и методы другихъ. Такое

центральное положеніе нашей науки дѣлаетъ ее наилучшей *пропедевтикой* для начинающихъ славистовъ: изучая ее богатое почти энциклопедическое содержаніе, они знакомятся съ *начатками* и славянской сравнительной грамматики, и славянской этнографіи, и славянской палеографіи, и исторіи славянскихъ литературъ, и исторіи славянской палеографіи и, такимъ образомъ, сразу входятъ въ кругъ главнѣйшихъ капитальныхъ вопросовъ славистики. Я скажу даже больше,—немного можно указать гуманитарныхъ наукъ, гдѣ бы такъ легко и такъ удобно можно было на сравнительно небольшомъ матеріалѣ усвоить практически методы и приемы научнаго изслѣдованія, какъ въ нашей наукѣ: въ самомъ дѣлѣ, если изученіе грамматики древне-церковно-славянскаго языка въ связи съ другими славянскими и аrio-европейскими языками знакомитъ съ методами сравнительнаго языкованія, если штудированіе древне-церковно-славянскихъ текстовъ непосредственно вводитъ читателя въ кругъ вопросовъ славянской глаголической и кирилловской палеографіи, а изученіе памятниковъ древне-церковно-славянской литературы и ея источника—греческой даетъ понятіе о новѣйшихъ методахъ историко-литературнаго изслѣдованія, если, наконецъ, анализъ источниковъ для исторіи Кирилла и Меодія (напр. Паннонскихъ Житій) научаетъ правиламъ исторической критики,—то мы совершенно въ правѣ назвать науку о древне-церковно-славянскомъ языкѣ (въ широкомъ смыслѣ слова) тою *лабораторіею*, черезъ которую долженъ пройти *каждый*, кто желаетъ назвать себя „славистомъ“. Факты, которые изучаются въ этой лабораторіи, на первый взглядъ, представляются мелкими, сухими и скучными; но если взглянуть въ нихъ глубже, то не трудно усмотрѣть въ нихъ нѣкоторую внутреннюю гармонию. Это „глубже“ достигается, однако, ничѣмъ инымъ, какъ непрерывнымъ и постояннымъ общеніемъ съ сырымъ матеріаломъ. Какъ сказочный Антей прикосновеніемъ къ матери-сырой-землѣ удесятерять свои силы, такъ и ученый изслѣдователь обновляетъ и черпаетъ свои силы, провѣряя то, что говорятъ книги, тѣмъ, что *facta locuntur*. Только такимъ образомъ онъ и научается пытливымъ слухомъ сторожить:

Тѣ вѣковѣчныя явленья,
Тѣ жизни тайныя черты,
Недостижимой высоты,
Неистощимаго значенья,
Непреходящей красоты!

Г. Шльмскій.